

Анни Безант – Необходимость перевоплощения

**(Учение о перевоплощении в связи с современными
эволюционными теориями)**

Вопрос о перевоплощении так обширен, что заглавию которого я выбрала, я ограничила его рассмотрение. Я не берусь говорить о всём учении, но лишь об особенной части его, о необходимости перевоплощения. В уме слушателя возникнет много вопросов, на которые я не могу надеяться ответить в одной короткой лекции — вопросов о том, почему не все мы помним прошлое; почему, оглядываясь назад, мы не видим ясно умственным оком того, как росли наши характеры, как развивались наши мыслительные способности, наша нравственность. Много вопросов такого рода возникнет, но сегодня я хочу показать вам только, что перевоплощение возможно по крайней мере как рациональное объяснение человеческой жизни, прогресса и человеческого характера; что оно помогает нам разрешать многие вопросы жизни, и что науке необходима эта теория для дополнения её учения об эволюции. Она необходима также и с нравственной точки зрения, чтобы сохранить нашу веру в божественную справедливость и божественную любовь, несмотря на многие ужасные факты человеческой жизни и человеческого страдания; она необходима для человеческого совершенствования. Если мне удастся показать вам это и выяснить, что учение о перевоплощении, при всей его необходимости, не принадлежит одним лишь восточным религиям, а и древнему христианству так же, как и другим великим религиям; если вы убедитесь, что в христианской древности в продолжение пяти столетий оно стояло неприкосновенным на ряду с теми учениями, которые проповедывались учителями и епископами христианской церкви, и что оно никогда не исчезало вполне из сферы христианской мысли и не теряло места в христианской литературе, что его возобновление — теперь есть возобновление истины, отчасти забытой, а не усилие навязать христианству учение чуждой религии — когда я смогу сделать это, то, может быть, мне

удастся несколько рассеять ту путаницу в мыслях обычного христианина, которая заставляет его почти сторониться от рассмотрения этого учения, и направить вашу мысль к самостоятельному решению: следует ли принять учение о перевоплощении, или отвергнуть его, потому что, по моему мнению, лектор не должен догматизировать, устанавливать законы для мысли другого человека, производить всю работу мысли и только тогда предлагать свой вывод. Долг лектора только в том, чтобы изложить истину так, как она видна ему, оставляя рассудку и совести каждого принять или отвергнуть её по своему выбору.

Итак, я должна изложить перед вами учение; судить же должны вы, а не я.

Прежде всего о необходимости перевоплощения с научной точки зрения. Существуют два крупных учения об эволюции, которые, можно сказать, разделяют научный мир на две половины. Одно из них несколько отступает на задний план, другое всё более и более выдвигается. Первое учение об эволюции Чарльза Дарвина, второе новейшее учение Вайсмана [генетика — ред.]. Оба эти учения необходимы нам, и оба для своего дополнения нуждаются в учении о перевоплощении, потому что и то и другое вызывают вопросы, на которые может ответить только перевоплощение, и в обоих возникают трудности, разрешимые только в свете этого древнего и всеобщего учения. Я не утверждаю, что оно должно быть справедливо только потому, что иначе эти трудности неразрешимы; я говорю, что когда вы встречаете учение, отвечающее на вопросы, на которые наука не отвечает, разрешающее такие трудности, которых наука не разрешает, то это учение заслуживает быть выслушанным людьми вдумчивыми, хотя бы для того, чтобы они могли видеть, что существует возможное объяснение фактов, иначе необъяснимых.

Возьмите на минуту учение Дарвина в возможно более широком свете. Два важных пункта выступают при рассмотрении процесса умственного и нравственного развития. Во-первых, учение о том, что качества передаются ребенку родителями, и что с возрастающей силой этой передачи развиваются интеллект и нравственность. По мере того как человечество шаг за шагом движется ввысь, результаты этого движения передаются детям, которые начиная свой путь как бы

с уровня, достигнутого человечеством в прошлом, оказываются в состоянии подняться еще выше и передать своему потомству еще более богатое наследство. Идя по этому пути, прогресс человечества кажется возможным и многообещающим.

Во-вторых, учение о борьбе, о так называемом выживании наиболее приспособленного (survival of the fittest), о тех качествах, которые дают возможность некоторым пережить остальных и, благодаря этому выживанию, передавать своему потомству те свойства, которые дали им самим преимущество в борьбе за существование.

И эти-то два основных положения — передача качеств и выживание наиболее приспособленного в борьбе за существование — и принадлежат к таким затруднениям, разрешить которые, стоя на обычной дарвинистской точке зрения, чрезвычайно трудно. Передачу качеств я разберу, когда буду говорить о Вайсмани, но относительно второго положения вот вопрос, который мы можем предложить дарвинисту относительно развития высшего интеллекта и особенно нравственности: допускается, что такие качества как сочувствие, любовь, симпатия, самопожертвование сильного ради защиты слабого, готовность отдать жизнь для блага других, мы считаем чисто человеческими качествами в отличие от тех, которые мы разделяем с животными. Чем больше таких качеств в человеке, тем человечнее мы его считаем, и это так общепринято, что покойный профессор Гексли в своей последней лекции в Оксфорде — стараясь разрешить эту задачу — сказал, что человека, частицу космоса, приходится признать восстающим против закона космоса; что человек движется вперед самопожертвованием, а не выживанием сильнейшего; что он развивается самоотречением, а не подавлением слабого сильным, которое было законом в низших царствах природы. И он предложил вопрос: "как может часть восставать против целого и развиваться по закону, противоречащему закону прогресса во всех низших царствах природы? Потому ли это так, что в человеке есть то же сознание, какое лежит и в основе вселенной?" Хотел ли он ответить на этот вопрос утвердительно, мы не можем сказать, но устами великого проповедника эволюции было произнесено, что для человека закон прогресса есть закон жертвы, а

не закон борьбы. Но тогда, что же это значит, когда вы противопоставите жертву "выживанию наиболее приспособленного"? Ведь те, кто жертвуют собою, погибают. Как возникает и растет материнская любовь, даже среди животных, среди так называемых общественных животных, и даже среди наиболее жестоких — среди хищников? Как развивается это качество? Как оно растет? Мы ясно видим, что среди животных мать жертвует собою ради беспомощного детеныша, побуждая закон самосохранения, торжествуя над страхом перед человеком, свойственным природе дикого животного. Мать-птица, мать-животное пожертвует своей жизнью, чтобы отвлечь своего врага человека от норы или логовища, где спрятаны её детеныши, и любовь матери побеждает любовь к жизни. Но жертвуя собою, она умирает. Те, кто проявляют наиболее самопожертвования, погибают так же, как и жертвы материнской любви, если, как мы увидим при внимательном наблюдении, общественные человеческие добродетели ведут к тому, чтобы губить обладающего ими и оставлять в живых наиболее эгоистичных и грубых, то как объясните вы в человеке рост духа самопожертвования, как объясните вы этот непрерывный рост наиболее божественных качеств, которые делают человека неспособным к борьбе за существование? И дарвинизм не отвечает на этот вопрос по существу.

Те, кто изучали сочинения дарвинистов, знают, что вопрос не ставится целиком, что его скорее избегают, чем отвечают на него. Теория перевоплощения дает на него ответ, утверждая, что в непрерывной жизни животных или человека, благодаря самопожертвованию, возбуждается в характере новая сила, новая жизнь, которая снова и снова возвращается в мир, проявляясь всё более и более высоко; что только форма матери погибает, душа же её живет и возвращается раз за разом снова на землю. Такие души, как душа матери, продолжают развиваться дальше — сначала в царстве животных, потом в царстве человека; таким образом, все приобретения души, основанные на самопожертвовании, возвращаются в перевоплощающейся душе, чтобы давать счастье и благословение миру. Сохранение души делает возможным рост нравственности. Теперь мы перейдем к вопросу о передаче качеств,

который, как я сказала, подводит нас ко взглядам Вайсмана. Вайсман установил два основных факта: первое — непрерывность физической жизни, — достаточно ясную и для обыкновенного наблюдения, но доказанную им методом, идущим далее, чем все предшествующие научные теории.

С одной стороны — непрерывность физической жизни, для дополнения которой мы нуждаемся, как мы увидим далее, в непрерывности интеллектуальной и моральной жизни. Необходимость такого дополнения, если принять теорию Вайсмана, вытекает из второго основного факта, установленного им же самим. Вайсман утверждает — и взгляд этот распространяется всё более и более — что умственные, нравственные и иные приобретенные качества не передаются потомку, что они могут быть переданы только, когда они медленно и постепенно вошли в самый механизм физического тела родителей. Если умственные и нравственные качества не передаются — а свидетельства, подтверждающие это, становятся подавляющими, — то где же искать причины человеческого прогресса, раз не признавать, наряду с непрерывностью протоплазмы, непрерывность растущей, развивающейся души? Наряду с этой теорией, подтверждаемой наблюдениями, мы находим, что чем выше организм, тем сильнее стремление его к бесплодию или к очень большому ограничению числа производимых потомков. Гений — это наблюдение делается уже общим местом в науке — бесплоден, а это значит, что гений не стремится увеличивать численность расы; и с другой стороны, если у гения и есть ребенок, то этот ребенок не проявляет гениальности, но стоит на среднем уровне, а иногда даже склоняется к уровню ниже среднего. Вот это вопрос огромной важности для будущего, потому что гений наших дней будет служить показателем среднего уровня через тысячи лет. Гений наших дней, будь это гений интеллекта или гений добродетели — высшая точка современного прогресса, до которого со временем, через ряды поколений, поднимется его общий уровень. Если гений есть только игра природы, только результат счастливого случая, следствие неведомой причины, то он не приносит вести надежды, обещания будущего. Но если в этом индивидуальном гении находится душа, долгим опытом собравшая

качества, с которыми она на этот раз родилась; если наряду с непрерывностью протоплазмы существует также и непрерывность души, растущей и развивающейся так же, как и формы развиваются, — да, тогда гений есть только предвестник более великого человечества, и самый низкий из детей Земли может надеяться достигнуть в будущем той высоты ума или добродетели, на которой стоит он. И такой взгляд на гения подтверждается исследованием; мы наблюдаем, что гений проявляется или как гений чистого интеллекта или добродетели, независимо от физической организации, или же, как у артиста, требует определенного содействия физической природы. Первый не требует ничего или очень мало от физической наследственности, но музыкальный гений не может обойтись без тонкости нервной организации, без тонкости осязания и чуткости уха. Эти физические качества необходимы для того, чтобы музыкальный гений мог проявиться во всей своей высоте. Здесь необходимо содействие физической наследственности. И что же находите вы, изучая историю музыкальных гениев? Что они обыкновенно рождаются в музыкальной семье; что за два или три поколения до рождения великого гения, некоторая доля музыкального таланта замечается в семе, где он появился, и что, после того как гений появился, этот музыкальный талант вымирает в семье, и она снова опускается до уровня посредственности. Семя расцветает гением; он же не передает своего гения потомству.

Вот эти вопросы и неясности в законе наследственности находят свое разумное объяснение в учении о перевоплощении. Что же оно из себя представляет? Оно говорит нам, что то, что одушевляет форму, есть частица жизни Бога. Как зерно, как семя, зародыш духа приходит в мир материи со всеми божественными возможностями, скрытыми в нем, так же как внутри семени скрыты возможности растения, породившего семя; в этом зародыше духа заключены все божественные силы, нужные для того, чтобы человек мог стать совершенным, как совершен Отец Небесный. Но для того, чтобы совершенство было достигнуто, необходим рост, опыт, эволюция; в каждой жизни на Земле должен быть собран опыт; в длинный промежуток между смертью и новым рождением собранный опыт перерабатывается в невидимых мирах в самое существо души. Когда

этот зародыш духа возвращается на Землю, он возвращается с душевной оболочкой, созданной из опыта, собранного в предыдущей жизни на земле, и врождённые идеи ребенка суть результат опыта земной жизни, лежащей позади его, опыта, который перерабатывается в качества в течение небесной жизни. Когда это превращение опыта в качество совершилось, дух и душа возвращаются на Землю, начиная путь с уровня, достигнутого прошлым опытом и усилиями, и продолжают эволюцию, имея преимущество врожденных качеств, т. е. результатов их предыдущей жизни. В продолжение новой жизни опять опыт, усилия — т. е. материалы для дальнейшего роста, опять превращение этого опыта в качества в период между смертью и новым рождением, и так далее, и так далее, ступень за ступенью по лестнице эволюции. Внизу этой человеческой лестницы самый низкий дикарь; вверху её — величайший святой и благороднейший ум, гений, созданный мало помалу бесчисленными усилиями, поражениями так же, как и победами, злом так же как и добром — злом прошлого, служащим ступенями, по которым человек поднимается к добродетели; таким образом даже в самом низком преступнике мы видим обещание божественности. Он также поднимется туда, где стоит святой, и во всех сынах человеческих проявится наконец Господь. Такова теория перевоплощения.

Теперь посмотрим, подходит ли она к фактам действительности с научной точки зрения. Мы знаем теперь, как растёт гений. Он не является на свет, не имея ничего позади себя, внезапно созданный Богом. Он приходит на Землю с качествами, которые он сам постепенно развил усилиями, сделанными в прошлом. Мы можем понять, глядя на него, почему современные дети, рожденные от цивилизованных родителей, так восприимчивы к моральному учению, так отзывчивы на нравственный призыв, и почему ребенок дикаря, молодая душа, душа-ребенок, не может быть восприимчива к этим учениям, как бы старательно вы её ни воспитывали. Чуткость детей людей цивилизованных к нравственному идеалу, к нравственным правилам очень велика. Наш ребенок восприимчив к ним от природы; ребенок дикаря — нет. Вы не можете взять дикого ребенка и поднять его до уровня, на котором стоят ваши дети, даже

покуда они в детской. У него нет способности отзываться. Но как только вы предположите существование вечной, развивающейся души и претворение опыта в качества, так что в характере новорожденного ребенка вы будете в состоянии видеть результаты его прошлого, тогда вы начнёте понимать, почему человек прогрессирует, несмотря на то, что умственные и нравственные качества не передаются по наследству, как справедливо утверждает Вайсман; ибо они — трудно завоеванные плоды победы каждой отдельной души, и каждая душа рождается в новое тело, обладая результатами прошлых своих жизней, для того, чтобы начать работу новых переживаний. Таким образом теория перевоплощения заполняет пробелы научной теории, отвечает на вопросы, на которые наука не может ответить; наблюдая за развитием современной науки, мы всё более убеждаемся, что теория перевоплощения необходима, чтобы дополнить научную теорию, и выяснить, почему, наряду с эволюцией формы, прогрессируют интеллект и характер. Наряду с этим признаки роста, замечаемые нами у людей, суть ясные указания на прошлое, на разницу душевного возраста, если можно так выразиться. Где бы вы ни наблюдали природу, вы везде найдете однородные вещи на различных ступенях роста и всегда заметите в более развитых представителях признаки прошлого, через которое они прошли. И это верно не только относительно тела, это так же верно и относительно души человеческой: глядя на человека, вы видите все пройденные им стадии интеллектуального роста и все стадии нравственного роста. В настоящую минуту в одной этой стране, в одном этом городе, вы можете сопоставить людей, находящихся на совершенно различных ступенях развития ума и нравственных качеств. Как объяснить это? И не с нравственной точки зрения, которую я имею в виду, а с точки зрения научной? Откуда эти большие различия или откуда даже маленькие различия? Если вы скажете "рост", вы будете стоять на твердой научной почве, потому что везде в природе вы видите рост, разницу в величине, в развитии, везде природа указывает на различные ступени развития живых существ. Почему только относительно ума и нравственности этот принцип развития, объясняющий различие состояний, должен быть

отброшен, принцип же — везде отвергаемый наукой — внезапного сотворения, внезапного, беспричинного появления, без подготовки и без объяснения, принимается, когда дело идет о различных ступенях ума и нравственности в отдельных человеческих существах? Кроме того, вы находите в человеческом сознании признаки его прошлого, подобные признакам прошлого в человеческих телах; сознание в новом теле быстро пробегает через прошлую свою эволюцию, что хорошо известно всем, кто наблюдал проявление сознания у детей.

Этот факт подводит меня к нравственной стороне вопроса. Я сказала, что перевоплощение необходимо для нашего нравственного сознания, если, стоя лицом к лицу с фактами жизни, мы хотим сохранить веру в божественную справедливость и божественную любовь. Возьмем два случая, реальность которых совершенно ясна каждому из вас. Я беру крайние случаи, чтобы сделать иллюстрацию очень яркой. Пойдите в один из вертепов Лондона. Дети рождаются в этих вертепах в ужасной среде с точки зрения и физической наследственности.

[Город Творцов](#)